

От автора. «Железный ветер бил им в лицо»

Сражение за Сталинград занимает особое место в истории Великой Отечественной и всей Второй Мировой войны. С одной стороны в бои на улицах полуразрушенного города в массовом сознании оказывается спрессована сложная и многоплановая битва, охватывавшая огромное пространство — от большой излучины Дона до Волги и калмыцких степей. Более того, из 200 дней и ночей Сталинградской битвы бои собственно на улицах разрушенного города и снайперские дуэли в развалинах промышленных предприятий занимают меньшую часть — примерно два месяца.

Сталинградская битва в целом проходила с активным участием крупных танковых сил. Этому благоприятствовала танкодоступная степная местность, в куда большей степени подходившая для использования танковых масс, нежели леса и болота на Северо-Западе России или даже на Западном (Московском) направлении. Под Сталинград и на Кавказ с июля по октябрь 1942 года отправились 63% танковых бригад из резервов Ставки Верховного Главнокомандования. Более того, именно танки становились ответом советских войск на превосходство Вермахта в артиллерии. В Третьем Рейхе в течение 1942 года было произведено в два раза больше пороха, чем в СССР, и поэтому соревноваться с немцами в артиллерийской дуэли соединения и объединения Красной Армии на равных не могли при всем желании. Кроме того, в южном секторе Советско-германского фронта ситуация многократно усугубилась из-за потерь артиллерии сначала в сражении под Харьковом, а затем в ходе летнего отступления под ударами немецкой армии. Тяжелые орудия, многие из которых буксировались неспешными сельскохозяйственными тракторами, приходилось попросту бросать перед разрушенными переправами, по израсходовании топлива или же просто в окружении, когда артиллеристы с винтовками в руках прокладывали дорогу к своим.

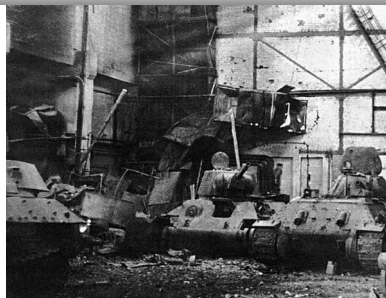

Достаточно привести буквально несколько цифр. По состоянию на 20 июля 1942 года в войсках Сталинградского фронта имелось всего 21 орудие калибром 152 миллиметра всех типов. Причем концентрировалась эта артиллерия в выводимых на укомплектование 28-й и 38-й армиях, к началу боев находившихся в стороне от направления главного удара противника. Такую ситуацию иначе как удручающей назвать нельзя. Для сравнения: только в пехотных дивизиях 6-й армии насчитывалось 144 150-миллиметровые полевые гаубицы. Это существенно снижало возможности войск Сталинградского фронта как по подавлению противотанковой обороны Вермахта, так и системы огня соединений противника в целом. Немцы, напротив, могли артиллерийским огнем с дальних дистанций 50-килограммовыми «чемоданами» 150-миллиметровых гаубиц останавливать контратаки Красной Армии, отсекая от танков и заставляя залегать пехотинцев. В наступлении залпы многочисленных 150-миллиметровых гаубиц армии Фридриха Паулюса подавляли советскую артиллерию и разрушали инженерные сооружения. Артиллерии большой мощности (обычно в этом качестве в Красной Армии выступали 203-миллиметровые гаубицы) в составе Сталинградского фронта не имелось вовсе. Первые орудия калибром 203 миллиметра появились под Сталинградом только глубокой осенью.

Армия Фридриха Паулюса прокладывала себе путь к Сталинграду не только и не столько танками, сколько шквальным огнем тяжелой артиллерии. Сам город стал одной из точек приложения этого артиллерийского кулака. Штурмующие его немецкие соединения обрушивали на разрушенные кварталы сотни тонн снарядов и мин в день. Танки и штурмовые орудия лишь усиливали удар орудий и минометов всех калибров. Высеченные на одном из монументов Мамаева кургана строки известного писателя и военного корреспондента Василия Гроссмана (1905–1964), находившегося в Сталинграде с первого до последнего дня уличных боев, *«Железный ветер бил им в лицо»* если и являются аллегорией и художественным образом, то достаточно близким к реальности.

Этот яростный штурм города на Волге для многих непосвященных является одной из загадок Второй Мировой войны. Действительно, поначалу

немецкое командование вовсе не собиралось штурмовать Сталинград. В Директиве № 41 от 5 апреля 1942 года, подписанной самим фюрером, указывались куда более скромные задачи: *«Необходимо попытаться достигнуть Сталинграда или, по крайней мере, подвергнуть его воздействию нашего тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций»*. Между осторожным *«подвергнуть воздействию»* и длительным кровопролитным штурмом лежит пропасть. Действительно, как узел коммуникаций и военной промышленности Сталинград фактически утратил свое значение еще 23 августа 1942 года, когда немецкими танками была перерезана основная железнодорожная магистраль, соединявшая город со страной. Заводы Сталинграда оказались в пределах досягаемости тяжелых орудий противника, не говоря уже о самолетах Люфтваффе.

Что же произошло? Дело, разумеется, не в «кровавых играх диктаторов» за точку на карте, носящую имя лидера СССР. Тогда же, летом 1942 года, без всякой шумихи на Украине советскими войсками был оставлен город Сталино — нынешний Донецк. Никакой борьбы, хотя бы отдаленно напоминающей сражение за Сталинград, за него не развернулось. Жестокая и кровопролитная схватка на улицах города на Волге стала следствием сложной и многоходовой стратегической игры. Командование Красной Армии организовало целую цепочку наступлений к северу от Сталинграда с целью восстановить связь с его гарнизоном. Эти наступления оттягивали лучшие дивизии немецкой 6-й армии от городских боев. В свою очередь, немецкая сторона задумала мощное контр-наступление с целью сокрушить атакующие с севера советские резервные армии. Но для концентрации сил для такого наступления нужно было сбросить защитников города в Волгу и тем самым высвободить сцепившиеся с ними части. Поэтому взятие Сталинграда приобрело такое значение, никак не предусмотренное первоначальным немецким планом кампании. С другой стороны, для его защитников ставший легендарным лозунг *«За Волгой для нас земли нет»* приобрел особое звучание. Пока они держались за узкую полосу берега Волги с разрушенными домами и корпусами промышленных предприятий, сохранялось неустойчивое равновесие на всем фронте под Сталинградом. Более того, это равновесие позволяло накопить силы для общего зимнего контрнаступления Красной Армии, которое привело к гибели в «котле» армии генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса.

19 июня 1942 года на нейтральную полосу между позициями 336-й пехотной дивизии Вермахта (336. Infanterie-Division) и 76-й стрелковой дивизии 21-й армии 70го-Западного фронта беззвучно упал немецкий связной самолет «Шторх». Когда немцы в отчаянной атаке захватили место его падения, они нашли только дыру в бензобаке. Немецкий офицер, выпавшийся из погибшей крылатой машины, был убит в перестрелке с советской разведгруппой и не успел уничтожить портфель с секретными документами. В портфеле у убитого начальника оперативного отдела штаба 23-й танковой дивизии (23. Panzer-Division) майора Райхеля были обнаружены планы сосредоточения дивизии для осуществления первой фазы операции с кодовым названием «Блау». На следующий день Сталин в разговоре с маршалом С. К. Тимошенко и генерал-полковником А. М. Василевским оценил трофейные документы очень осторожно: «Возможно, что перехваченный приказ вскрывает лишь один уголок оперативного плана противника. Можно полагать, что аналогичные планы имеются и по другим фронтам <...> немцы постараются что-нибудь выкинуть в день годовщины войны и к этой дате приурочивают свои операции». Действительно, документы из сбитаго «Шторха» вполне могли оказаться тщательно сфабрикованной врагом дезинформацией. В любом случае их было явно недостаточно для того, чтобы вскрыть планы германского Верховного командования на летнюю кампанию 1942 года.

СРАЖЕНИЕ В СТЕПИ

Советский средний танк Т-34-76, подбитый в степи на подступах к Сталинграду. Эта «Тридцатьчетверка» была выпущена на Сталинградском тракторном заводе и несет все характерные признаки «сталинградских» Т-34 — скошенную «челюсть» бронировки пушки и «паровозные» катки с внутренней амортизацией. Обратите внимание также на перископ заряжающего, характерный для «сталинградоков»

Цель — Сталинград!

Глоток воды на пути к Сталинграду. Пехотинцам Вермахта предстояло прошагать многие километры по степи до первого боевого столкновения с войсками советских резервных армий

5 апреля 1942 года Гитлер подписал Директиву № 41, в которой были окончательно определены цели летней кампании на Восточном фронте: *«Главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ»*. Первоначально план летнего наступления Вермахта получил кодовое наименование «Зигфрид», но вскоре название было изменено на «Блау» (*«Blau» — Синий*) и встало в один ряд с наименованием планов победоносных «блицкригов» против Польши в 1939 году (*«Weiß» — Белый*), Бельгии, Голландии, Люксембурга и Франции в 1940 году (*«Gelb» — Желтый*) и второй фазы Французской кампании, завершившейся парадом немецких войск на Елисейских Полях в Париже (*«Rot» — Красный*). Операция «Блау» должна была претворить в жизнь мечту фюрера — захват кавказских нефтепромыслов, который бы лишил Красную Армию «крови» современной механизированной войны.

В конце июня в районах северо-восточнее Курска и северо-восточнее Харькова почти закончилось сосредоточение и развертывание ударных группировок Вермахта, предназначенных для проведения первой фазы операции «Блау». 28 июня немецкие танковые колонны взломали южный сектор Восточного фронта и рванулись к Воронежу, Сталинграду, Ростову-на-Дону. Теперь вместо еще недавно прочной линии обороны на дальних подступах к Сталинграду зияла гигантская брешь. Управление частями Красной Армии было потеряно, они отступали, теряя технику и вооружение.

Отходящие советские войска вскоре были обойдены танками и попали в «котел» под Миллерово. 14 июля Сталин раздраженно спросил у командующего Сталинградским фронтом маршала С. К. Тимошенко, *«почему не сообщают Ставке, куда девались войска этих армий и какова их судьба, продолжают ли они борьбу или взяты в плен? В этих армиях находились, кажется, 14 дивизий, а это больше 100 000 человек. Ставка хочет знать, куда девались эти дивизии!»* В ответ маршал смог сообщить Верховному главнокомандующему лишь неутешительные цифры численности пробившихся из окружения частей. Последствия не заставили себя ждать — через несколько дней Тимошенко был снят со своего поста и отозван в распоряжение

Первый командующий Сталинградским фронтом маршал С. К. Тимошенко (1895–1970). Уже 13 июля 1942 года он поставил перед Ставкой вопрос об эвакуации населения Сталинграда: «Считаем необходимым немедленно эвакуировать из Сталинграда женщин и детей, не занятых на производстве военных материалов, ибо в городе скопилось очень много народа после эвакуации из Украины, и дальнейшее оставление всего населения города на своих местах будет очень невыгодно в условиях возможных налетов авиации противника». Тимошенко не довелось руководить обороной города на Волге. Решение Верховного главнокомандующего о снятии маршала с должности было, пожалуй, поспешным и преждевременным. Он представляется более подходящей фигурой для руководства Сталинградским фронтом, чем сменивший его Н. В. Гордов, по крайней мере в оборонительной фазе сражения за Сталинград

Оперативное совещание в штаб-квартире группы армий «Юг». Полтава, 1 июня 1942 года. Справа от Гитлера — командующий 6-й армией Фридрих Паулюс. Крайний справа — командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок (Fedor von Bock; 1880–1945). Вскоре он будет сменен фюрером на генерал-полковника Максимилиана фон Вейхса, который стоит за спиной Паулюса

Ставки Верховного Главнокомандования, а новым командующим фронтом назначен перспективный командарм генерал-майор В. Н. Гордов.

В тот же день, когда маршал Тимошенко был отстранен от руководства Сталинградским фронтом, появилась на свет Директива № 45 Верховного главнокомандующего германских вооруженных сил о продолжении операции «Брауншвейг» (*Braunschweig*; так с 30 июня стала называться операция «Блау»). Относительно плана действий на Сталинградском направлении в директиве Гитлера было сказано: «4. На долю группы армий «Б», как приказывалось ранее, выпадает задача, наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон, нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить перевозки по реке. Вслед за этим танковые моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги. Эти операции группы армий «Б» получают кодированное название «Фишрейер» («*Fischreiher*» (серая цапля). — А. И.), степень секретности — «совершенно секретно, только для командования».

Обычно задача наступать в направлении Сталинграда с целью его захвата связывается именно с этой директивой. Однако в отношении самого города на Волге она лишь закрепляла ранее принятые на уровне группы армий решения. Так, еще 20 июля 1942 года оперативный отдел (Ia) группы армий «Б» направил в адрес командования 6-й армии документ за ис-

ходящим № 2122/42, подписанный Максимилианом фон Вейхсом, в котором черным по белому было написано следующее: «Телефонограммой группы армий «Б» корпусам 6-й армии поставлена задача использовать нынешнюю слабость противника безостановочным преследованием и оборонять фронт на Дону минимальными силами. Особое внимание уделяется при этом достаточной противотанковой обороне на наиболее угрожаемых переправах. После захвата Сталинграда задачей 6-й армии станет удержание долговременных позиций между Волгой и Доном, которые позволят неограниченное использование железнодорожной линии Морозовская — Сталинград, а также оборона рубежа Дона от района северо-западнее Сталинграда до левой границы армии. Оборону южного фронта южнее Сталинграда следует организовать примерно по линии железной дороги Котельниково — Сталинград».

Формулировка «После захвата Сталинграда» («*Nach Erreichen von Stalingrad*») не допускает двойного толкования. Решение именно захватить, а не нейтрализовать город на Волге было принято германским командованием по крайней мере за три дня до появления на свет Директивы № 45. Более того, как видно из приведенного текста, в штабе группы армий «Б» уже были примерно определены оборонительные рубежи 6-й армии в районе Сталинграда. Однако документ № 2122/42 был отпечатан всего в двух экземплярах (Директива № 45 — в шести) и остался в тени, что позволило впоследствии неограниченно спекулировать на тему непростительных ошибок «*бесноватого фюрера*». Также обращают на себя внимание обороты «*слабость противника*» и «*безостановочное преследование*». Командование группы армий «Б» на тот момент явно недооценивало силы Красной Армии на Сталинградском направлении.

План действий, с которым 6-я армия вступила в сражение в большой излучине Дона, был обрисован в приказе, подписанном Фридрихом Паулюсом 20 июля 1942 года. Если приказ на последний бросок на Сталинград от 19 августа 42-го достаточно часто приводится в литературе, то приказ, с которым 6-я армия начала свой поход к городу на Волге, известен

Командующий группой армий «Б» барон Максимилиан фон Вейхс (*Maximilian von Weichs*; 1881–1954). Может показаться странным, но этот человек с внешностью школьного учителя латыни был кавалеристом, ветераном Первой Мировой войны и командиром эскадрона. К 1930-м годам он дорос до командира кавалерийской дивизии, которая в 1935-м была переформирована в 1-ю танковую дивизию. Так что фон Вейхс является одним из первых командиров Панцерваффе. В апреле 1941 года он принимал капитуляцию югославской армии. В феврале 1943 года, несмотря на катастрофу армии Паулюса под Сталинградом, получит звание генерал-фельдмаршала. Правда, вскоре его сошлют бороться с партизанами на Балканы. На Нюрнбергском процессе фон Вейхса подвергнут допросам, но не осудят

Полевое богослужение в степи под Сталинградом. Август 1942 года. В центре — капеллан Вермахта. В каждой пехотной дивизии германской армии по штату полагалось два священника — католический и протестантский. Они подчинялись непосредственно командиру дивизии и были единственными в ее личном составе, кто не носил оружия

Командующий войсками Сталинградского фронта в июле–августе 1942 года генерал-лейтенант В. Н. Гордов (1896–1950). Он не обладал достаточным опытом для руководства фронтом в тяжелых условиях и не справился с этой задачей, и впоследствии двумя фронтами (Сталинградским и Юго-Восточным) руководил А. И. Еременко. В 1947 году Гордов будет осужден по обвинению в вынашивании террористических планов в отношении членов советского правительства и 24 августа 1950 года военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведет в исполнение в тот же день в Лефортовской тюрьме в Москве. Маршал И. С. Конев (1897–1973) в своих мемуарах, опубликованных при Брежневе, так охарактеризовал генерала: «Это был человек опытный, образованный, но в то же время иногда недостаточно гибко воспринимавший и осваивавший то новое, что рождало в нашем оперативном искусстве возросшие технические возможности. Преданный делу, храбрый, сильный, своенравный и неуравновешенный — всего было понемногу намешано в своеобразной натуре Гордова»

Развитие событий на Советско-германском фронте перед началом Сталинградской битвы

Первый бой Сталинградской битвы

Некоторые из передовых отрядов Красной Армии вступили в боевое соприкосновение с немецкими войсками уже 17 июля 1942 года. Именно от этого события принято начинать отсчет сражения за Сталинград. Как это иногда бывает в исторической науке, ставшая базовой дата оказывается не совсем верной. Согласно журналу боевых действий 62-й армии, первые выстрелы великой битвы на Волге прозвучали немного раньше, в 20.00 16 июля. Изучение документов позволяет восстановить картину первого боя Сталинградской битвы. Его провел передовой отряд 147-й стрелковой дивизии. Ядром отряда были рота средних танков Т-34 и рота легких Т-60 из состава 645-го отдельного танкового батальона. Также в отряд вошли два взвода автоматчиков, четыре взвода стрелков, шесть противотанковых ружей и три противотанковые пушки с расчетами.

645-й отдельный танковый батальон под командованием капитана И. В. Близнеца комплектовался по особому штату: в его состав входили две роты средних и две роты легких танков. Всего он насчитывал 21 Т-34 и 21 Т-60. Необычная для Красной Армии ситуация, когда отдельный танковый батальон был практически равен танковой бригаде, за исключением мотопехотной составляющей, обуславливалась тем, что танки на его комплектование поступали прямо со Сталинградского тракторного завода, а также тем, что каждый подобный батальон был предназначен для непосредственной поддержки пехоты каждой стрелковой дивизии 62-й армии, которой предстояло остановить войска Вермахта на пути к Сталинграду.

15 июля, через два часа после выгрузки танков из эшелона, отряд начал движение в направлении хутора Морозов и станции Морозовской. Холмистая местность позволяла противникам сблизиться незаметно друг для друга. В 13.00 отряд прибыл в хутор Золотой, в 8 километрах юго-восточнее станции Морозовской. В 17.40 16 июля три Т-34 и два Т-60 при разведке хутора Морозов были обстреляны противотанковыми пушками противника и ответным огнем уничтожили немецкие орудия. После разведки танки возвратились, таща одну «тридцатьчетверку» на буксире. Это была еще не боевая потеря — у Т-34 просто отказала коробка передач. Несколько часов спустя произошло более серьезное столкновение. В 20.00 четыре немецких танка скрытно подошли к хутору Золотой и открыли огонь по отряду. Первый бой Сталинградской битвы длился всего 20–30 минут. Танкисты 645-го танкового батальона заявили об уничтожении двух немецких танков с экипажами, подбитии еще одного и уничтожении одной противотанковой пушки. Видимо, немцы не рассчитывали столкнуться сразу с двумя ротами танков и послали вперед всего четыре «панцера». Потери отряда составили один Т-34 сгоревшим и два подбитыми. Первый бой кровопролитного многомесячного сражения не был ознаменован ничьей смертью — людские потери двух танковых рот составили 11 человек ранеными. Таща за собой два подбитых танка, танковый отряд вернулся назад. Начиналось сражение, которое должно было решить исход летней кампании 1942 года на Советско-германском фронте и, может быть, даже всей войны.

Танкист Вермахта в башне среднего танка PzKpfw III во время наступления на Сталинград. На заднем плане по фронтовой дороге движутся бронетранспортеры SdKfz 251 «Ганомат» и легкие танки PzKpfw II

в куда меньшей степени. Однако именно он определил то, как началось одно из решающих сражений Второй Мировой войны.

Характеристика противостоящих Вермахту войск Красной Армии в приказе от 20 июля была, прямо скажем, далека от реальности: *«Перед Восточным фронтом армии пока только слабый противник с танками»*. По показаниям пленных

советских военнослужащих, предполагалось лишь наличие свежих сил на плацдарме в районе Калача. Очевидно, что эти выводы были сделаны по итогам боев с передовыми отрядами. Несмотря на традиционно достаточно резкие оценки действий передовых отрядов Сталинградского фронта, они сыграли определенную роль в окутывании «туманом войны» — ситуации, когда военачальники вынуждены принимать решения в условиях недостатка информации: реальной группировки советских войск в большой излучине Дона.

Сообразно оценке противника в приказе Фридриха Паулюса была сформулирована задача 6-й армии: *«Как можно скорее занять Сталинград, в том числе прочно удерживать железнодорожную линию Морозовская — Сталинград. Основная масса армии незамедлительно*

Советские мирные жители на пепелище деревни, разрушенной в ходе боев.
Лето 1942 года. Фотография немецкого военного корреспондента

наступает на Дон и за него по обе стороны Калача. Часть сил прикрывает северный фланг на Дону». Здесь вновь нельзя не обратить внимание на формулировку «занять Сталинград», используемую еще до появления Директивы № 45.

Ситуация, когда ключевые сражения разыгрывались вокруг крупных промышленных центров, была типичной для Второй Мировой войны. Помимо Сталинграда можно назвать Харьков, вокруг которого в 1942–1943 годах разыгрались три крупных сражения.

Для Красной Армии оборонительная операция под Сталинградом начиналась в «лучших традициях» 1941 года, когда вместо рухнувшего в результате окружения под Миллерово фронта фактически с нуля выстраивалась оборона на Дону и в его большой излучине. Разгромленный Юго-Западный фронт переименовали в Сталинградский. Для стабилизации положения ему передавались три свежие резервные армии — 62, 63 и 64-я. С запада к спешно занимаемым советскими частями позициям подходила немецкая 6-я армия под командованием генерала танковых войск Фридриха Паулюса. В последние дни перед началом сражения в большой излучине Дона эта армия непрерывно усиливалась, ей был передан 14-й танковый корпус из 1-й танковой армии и обещан фюрером 24-й танковый корпус. Каково же было соотношение сил к началу Сталинградской битвы?

Называемые в отечественной литературе цифры противоречат друг другу и оперативным документам. По состоянию на 20 июля 1942 года

на довольствии в армии Паулюса состояло 443 140 человек, в том числе 12 910 военнопленных, 6600 человек в иностранных формированиях (хорваты, словаки, венгры), 40 000 в подразделениях Люфтваффе и 25 100 иностранного и немецкого вольнонаемного состава. Эти данные показывают, что обычно называемая в отечественной литературе численность 6-й армии в 270 тысяч человек не соответствует имеющимся документальным данным об армии Паулюса перед началом Сталинградской битвы. По немецким документам, эта величина ближе к 400 тысячам, даже без учета переданных в 6-ю армию 14-го и 24-го танковых корпусов. Два корпуса, фактически принявшие участие в боях в излучине Дона, доводили численность 6-й армии

Тяжелые дороги отступления. Бесценный в борьбе с немецкими пикирующими бомбардировщиками «Юнкерс Ю-87» «Штука» 37-миллиметровый зенитный автомат красноармейцы попытались отбуксировать с помощью полученного по ленд-лизу британского среднего танка «Матильда». Эти машины поставлялись в Советский Союз в значительных количествах. До окончания производства в августе 1943 года было выпущено 2987 танков Matilda Mk II, из которых более тысячи отправили в СССР. Из них до места назначения добралось 918 танков

Немецкая 210-миллиметровая гаубица Moerser 18 на позиции. Эта пушка была разработана концерном «Крупп» и выпускалась с 1937 по 1945 год. Перед началом сражения за Сталинград 6-я армия Фридриха Паулюса была значительно усилена орудиями такого типа. Они были способны забрасывать 113-килограммовые снаряды на дальность до 16 700 метров. В Красной Армии Moerser 18 соответствовала 203-миллиметровая гаубица Б-4, уступавшая, однако, немецкому орудью в подвижности

до величины, заведомо большей 400 тысяч человек.

В свою очередь, Сталинградский фронт по состоянию на 20 июля 1942 года насчитывал 386 365 человек, включая тыловые части и учреждения, в том числе 29 947 человек приходилось на 8-ю воздушную армию. Боевые войска фронта, согласно донесениям о боевом и численном составе, насчитывали 298 895 человек.

Вторая Мировая война была войной моторов, и поэтому важнейшим показателем традиционно считается число задействованных сторонами танков. В одной танковой и двух моторизованных дивизиях 14-го танкового корпуса 6-й армии на 21 июля 1942 года насчитывалось 217 танков и самоходно-артиллерийских установок. Прибывшая уже после начала боев 24-я танковая дивизия добавила к этому еще 92 танка.

Помимо танков в состав 6-й армии входили батальоны штурмовых орудий, насчитывавшие к началу сражения около трех десятков самоходок. В свою очередь, на 20 июля 1942 года Сталинградский фронт насчитывал 230 танков в отдельных бригадах и батальонах. Кроме того, танковые корпуса из резерва Ставки Верховного Главнокомандования, ставшие первым составом переданной вскоре фронту 1-й танковой армии, насчитывали 405 танков, 4-й танковой армии — 180 танков (только в 22-м танковом корпусе).

Однако эти цифры не в полной мере отражают реальное соотношение сил противоборствующих сторон. Ядром Сталинградского фронта являлись свежесформированные резервные армии, в качестве средств усиления располагавшие лишь противотанковыми полками и танковыми батальонами. Орудий калибром больше 122-миллиметровых дивизионных гаубиц в их составе не имелось вовсе.

Как уже отмечалось выше, соотношение сил по тяжелым орудиям было крайне неблагоприятным для Сталинградского фронта. Против 21 орудия калибром 152 миллиметра в выводимых из боя 28-й и 38-й армиях немецкая 6-я армия только в пехотных дивизиях могла выставить 144 гаубицы калибром 150 миллиметров. Не располагавшие тяжелыми орудиями 62-я и 64-я армии в большой излучине Дона оказывались в крайне трудном положении. По существу, они заведомо проигрывали артиллерийскую дуэль с противником как в обороне, так и в ходе контрударов. Такой дисбаланс сил по артиллерии был прямым следствием событий под Харьковом в мае и окружения под Миллерово в июле 42-го, в которых войска Юго-Западного фронта утратили большую часть своей тяжелой артиллерии. По состоянию на 1 мая 1942 года Юго-Западный

фронт насчитывал 136 152-миллиметровых гаубиц и 170 152-миллиметровых гаубиц-пушек, на 1 июня, после Харьковской драмы, их число сократилось до 55 и 99 единиц соответственно. Последним, добивающим ударом стал Миллеровский «котел» в июле 1942 года. Артиллерия большой мощности (обычно в этом качестве выступали 203-миллиметровые гаубицы) в составе Сталинградского фронта отсутствовала.

Напротив, немецкая 6-я армия непосредственно перед наступлением на Сталинград была обильно усилена тяжелой артиллерией. По состоянию на 24 июля 1942 года в качестве средств усиления в ее составе имелось пять дивизионов 210-миллиметровых гаубиц (около четырех десятков стволов), три дивизиона 10-сантиметровых пушек и четыре дивизиона 150-миллиметровых полевых гаубиц sFH18. На этом фоне относительная немногочисленность танкового парка армии Фридриха Паулюса выглядит уже совсем по-другому. Кроме того, в преддверии сражения за Сталинград армия полу-

чила новейшие 75-миллиметровые противотанковые пушки двух типов — PaK-40 и PaK-97/38 (до этого пехотные дивизии 6-й армии таких орудий не имели). По стечению обстоятельств именно в составе армии Паулюса был 521-й батальон истребителей танков с тремя опытными самоходно-артиллерийскими установками со 105- и 128-миллиметровыми орудиями, способными поражать любой советский танк образца 1942 года на любых мыслимых дистанциях боя.

62-я АРМИЯ

Командующие армией: генерал-майор В.Я Колпакчи (июль-август 1942 года); генерал-лейтенант А. И. Лопатин (август-сентябрь 1942 года); генерал-майор Н. И. Крылов (сентябрь 1942 года); генерал-лейтенант В. И. Чуйков (сентябрь 1942-го — апрель 1943 года)

Члены Военного совета армии: дивизионный комиссар (с декабря 1942 года — генерал-лейтенант) К. А. Гуров (июль 1942-го — февраль 1943 года); полковник В. М. Лебедев (февраль-март 1943 года)

Начальники штаба армии: генерал-майор Н. А. Москвин (июль-август 1942 года); полковник (с октября 1942 года — генерал-майор) И. А. Ласкин (август-сентябрь 1942 года); полковник С. М. Камынин (сентябрь 1942 года); генерал-майор Н. И. Крылов (сентябрь 1942-го — март 1943 года)

Армия была сформирована 10 июля 1942 года на основании директивы Ставки Верховного Главнокомандования на базе 7-й резервной армии с непосредственным подчинением Ставке. Первоначально в нее входили 33-я гвардейская, 147-я, 181-я, 184-я, 192-я и 196-я стрелковые дивизии, 121-я танковая бригада, артиллерийские и другие части. 12 июля 1942 года армия была включена во вновь созданный Сталинградский фронт.

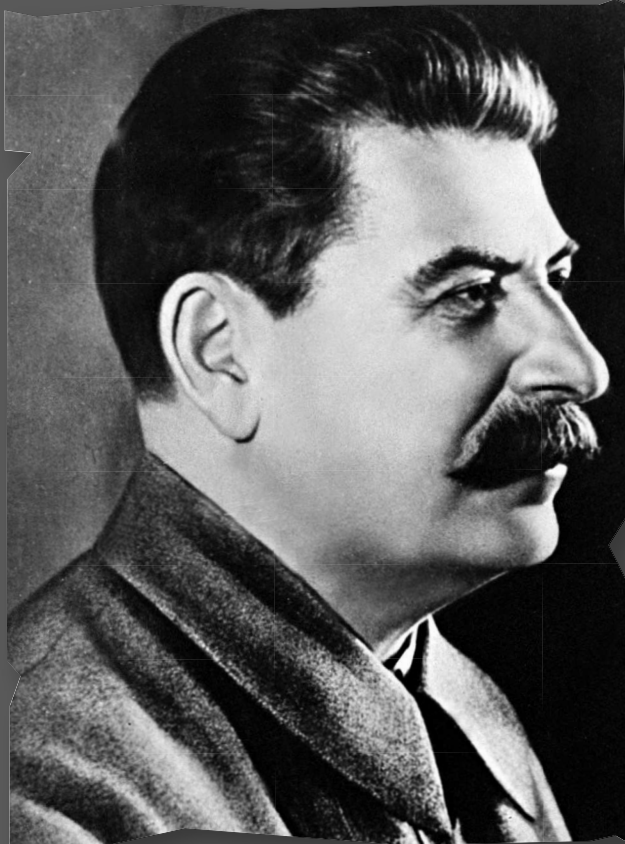
Командующий 62-й армией В. Я. Колпакчи получил приказ на занятие обороны на дальних подступах к Сталинграду примерно за сутки до образования Сталинградского фронта. Ему было приказано сняться с позиций на Сталинградском обводе и занять так называемый Сталинградский рубеж. Выдвижение частей и соединений 62-й армии происходило походом и по железной дороге. 62-я армия к моменту ее подчинения штабу нового — Сталинградского фронта находилась в Сталинграде и в течение 12 июля должна была выйти через Калач на Сталинградский рубеж к западу от Дона. Численность личного состава соединений в армии колебалась от 11 428 человек (196-я стрелковая дивизия) до 12 903 человек (184-я стрелковая дивизия) при штатной численности 12 807 человек. Своеобразие составу 62-й армии, придавали сильные отдельные танковые батальоны, в составе 42 танков каждый (21 средний и 21 легкий танки). Они были приданы по одному на каждое соединение 62-й армии за исключением 196-й стрелковой дивизии. Ни одна другая армия не имела отдельные танковые батальоны в такой пропорции, по одному на каждую дивизию. Также каждая стрелковая дивизия 62-й армии была усилена истребительно-противотанковым полком (по 20 орудий).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что, уступая в количестве танков и самоходок, армия Фридриха Паулюса обладала количественным перевесом над войсками Сталинградского фронта в численности личного состава и внушительным превосходством в тяжелой артиллерии. Это фактически предопределяло неуспешное для Красной Армии развитие событий в большой излучине Дона. Артиллерия оставалась *«богом войны»*, она позволяла как отражать наступления противника, так и эффективно подавлять и уничтожать систему его обороны, в том числе противотанковую, в ходе собственных наступлений. Количественное превосходство Сталинградского фронта в танках частично нивелировалось появлением в немецкой армии новейших эффективных противотанковых средств, в том числе в виде кумулятивных боеприпасов для орудий танков и самоходно-артиллерийских установок.

Если бы 6-я армия атаковала спешно занявшие оборону в большой излучине Дона советские дивизии сразу всеми силами, это привело бы к быстрому разгрому Сталинградского фронта. Однако штабы Паулюса и фон Вейхса недооценили противостоявшие им силы и начали наступление так, будто на подступах к Калачу почти никого не было. По плану Паулюса предполагалось форсировать Дон по обе стороны от Калача и далее стремительно продвигаться на восток, к Сталинграду. Для форсирования Дона немцами были сосредоточены инженерные части — почти два десятка понтонно-мостовых колонн.

Бронетехника немецкой 24-й танковой дивизии на марше в степи под Сталинградом. Обратите внимание, что у среднего танка PzKpfw III, с которого сделан снимок, короткоствольная 50-миллиметровая пушка. «Троек» с 42-калиберным орудием летом 1942 года было уже немного, но они присутствовали в немецких войсках, несмотря на сомнительную ценность в бою с советскими танками Т-34 и КВ

«Ни шагу назад!»

Приказ народного
комиссара
обороны
Союза ССР
№ 227 от 28 июля
1942 года

Верховный главнокомандующий и народный комиссар
обороны Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин
(1879–1953) в 1942 году

Летом 1942 года перед глазами бойцов и командиров Красной Армии все чаще вставал призрак трагического 1941 года. Заместитель командира одной из стрелковых дивизий Сталинградского фронта высказался так: *«У меня сейчас такое впечатление, как будто повторяется сентябрь сорок первого. Тогда мы тоже стягивали, сосредотачивали, а потом все бросили, оставшись в окружении. Эта музыка может повториться и сейчас»*. Красноармейцы, изнуренные отступлением, были более резки в оценках: *«Теперь мы не остановимся до самого Урала»*. Все чаще Ставка Верховного Главнокомандования получала неутешительные доклады о пораженческих настроениях в войсках. Видя создавшееся катастрофическое положение, 28 июля Сталин подписал ставший легендарным приказ № 227, который среди бойцов быстро получил название «Ни шагу назад!». В приказе отмечалось, что *«надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке»*.

Повысить устойчивость советских войск должна была борьба с самовольными отходами. Приказ гласил: *«Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения*

которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу. Паникеры и трусы должны истребляться на месте».

Приказ № 227 вызвал неоднозначную реакцию среди бойцов и командиров Красной Армии. Многие оценивали его положительно и даже сетовали, что его «надо было бы издать раньше, тогда бы мы не отошли с зимних рубежей». Говорили даже, что этот приказ «вышел слишком поздно». Однако немало было и тех, кто считал, что «из этого приказа ничего не выйдет» и «все равно выполнять, как и предыдущие приказы, не будут». Создание заградительных отрядов с правом вести огонь по своим вызвало предположения о том, что «может произойти вооруженное столкновение между нашими частями и заградотрядами». Курсант авиатехнического училища, брошенного на защиту Сталинграда, вспоминал: «Из комсоргов классных отделений стали создавать заградотряды. Мы как раз оседлали дорогу, выкопали ячейки. Выстроили нас. Командир роты к каждому подходит: «В своих будешь стрелять?» Я говорю: «Нет. Просто не смогу». — «Тогда сам застрелись. Иначе меня расстреляют». Командующий Сталинградским фронтом генерал-лейтенант В. Н. Гордов приказывал: «Заградительные отряды укомплектовать лучшими отборными бойцами и командирами из дальневосточных дивизий».

Первые заградительные отряды под давлением обстоятельств появились еще в первые дни войны. Тогда они стали инициативой снизу. Таковым был, к примеру, заградотряд Западного фронта под командованием интенданта 1-го ранга (это звание соответствовало подполковнику) из города Толочин Маслова, который по собственной инициативе наводил порядок и останавливал отступающих красноармейцев на шоссе Минск – Москва. Приказ № 227 фактически узаконил и упорядочил деятельность заградительных отрядов. Численность обычного заградотряда редко превышала две сотни бойцов и командиров. По сути, их создание было попыткой горстками лучших солдат удерживать боевые порядки полков и даже целых дивизий. Однако заградотряды не смогли бы остановить всех бегущих, а угроза оказаться в штрафной роте мало пугала рядовых пехотинцев, уверенных, «что дальше фронта не пошлют, больше смерти не дадут». Четыре заградотряда сражавшейся в Сталинграде 62-й армии насчитывали всего 650 человек при общей численности армии в 56 тысяч. В итоге они в основном возвращали людей в их части. Так поступили с 93% задержанных заградотрядами Сталинградского фронта с 1 августа по 15 октября 1942 года. Расстреляно было менее 1% от числа остановленных, остальные отправились искупать свою вину перед Родиной в штрафные роты и батальоны, которые были созданы по приказу № 227. В штрафные батальоны направлялись совершившие проступки офицеры, в штрафные роты — рядовые бойцы. Всего во время войны через штрафные подразделения прошло немногим более 1% красноармейцев, однако, если верить современному отечественному кинематографу, к примеру, популярному телесериалу «Штрафбат», Великую Отечественную выиграла едва ли не одни штрафники, подгоняемые пулеметчиками из заградотрядов.

Заградительные отряды в Красной Армии были упразднены осенью 1944 года. Напротив, в конце войны скорым на расправу с дезертирами, проявившими слабость на поле боя, стало командование Вермахта. Так, в апреле 1945-го одна из улочек бранденбургского городка Зеелов стала «аллеей висельников».

T-34-76

ОСНОВНОЙ ТАНК КРАСНОЙ АРМИИ

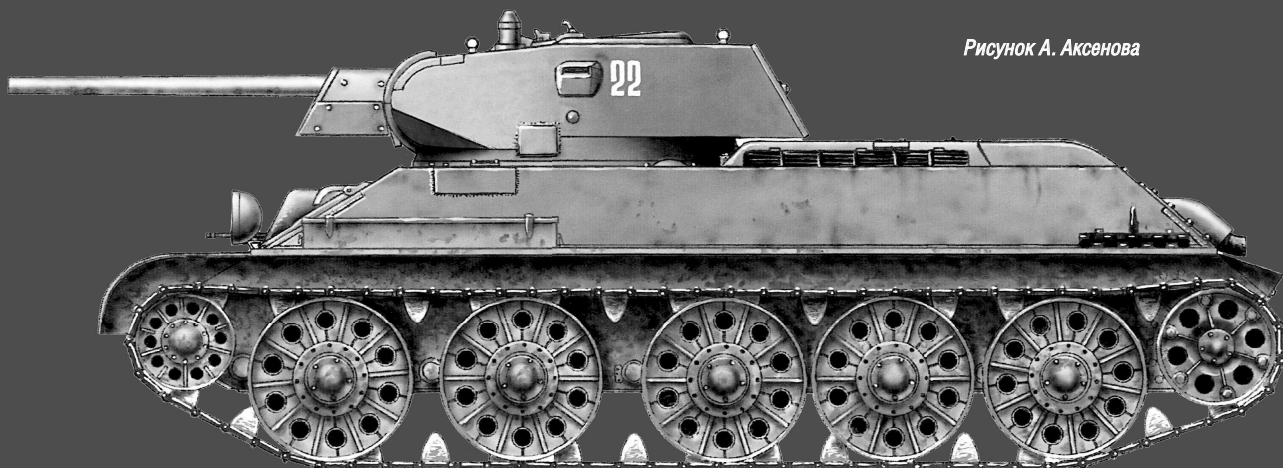

Рисунок А. Аксенова

Типичная «Тридцатьчетверка»-«сталинградка». Танки Т-34, выпущенные на Сталинградском тракторном заводе в 1942 году, легко опознаются на фотографиях. Их отличают «паровозные» катки с внутренней амортизацией, характерная нижняя «челюсть» бронировки противооткатных приспособлений пушки и сварная деталь на скуле башни. Последняя не вызвала восторга у танкистов. Так, в отчете, написанном командиром 13-го танкового корпуса, по итогам боев под Сталинградом в июле-сентябре 1942 года отмечалось: *«Крупным недочетом конструкции танка Т-34 оказалась башня, изготавливаемая Сталинградским танковым заводом, в которой от попадания болванки выкалывается треугольная щека»*

«Я смог. Я продержался. Разгромил пять закопанных танков. Они ничего не могли сделать потому, что это были танки Т-III, Т-IV, а я был на «Тридцатьчетверке», лобовую броню которого их снаряды не пробивали». Немногие танкисты стран — участниц Второй Мировой войны могли повторить слова командира советского среднего танка Т-34 лейтенанта А. В. Бондаря в отношении своих боевых машин. Этот танк стал легендой в первую очередь потому, что в него верили те люди, которые садились за рычаги и к прицельным приспособлениям его пушки и пулеметов. Разумеется, речь идет не о слепой вере, основанной на пропаганде или домыслах. Уверенность в людей вселяли особенности конструкции, разительно выделявшей Т-34 из ряда танков того времени: наклонное расположение листов брони и дизельный двигатель В-2.

Необычный для боевых машин других стран люк механика-водителя в верхней лобовой детали корпуса Т-34 оказался на практике довольно удобным для покидания машины в критических ситуациях. Если люк механика-водителя единодушно оценивается ветеранами как удобный, то столь же единодушны танкисты в отрицательной оценке люка башни танков Т-34 ранних выпусков с литой овальной башней, прозванной за характерную форму «пирожком». Объединение в один люк для двух рядом сидящих членов экипажа, наводчика и заряжающего, было нехарактерно для мирового танкостроения.

Во время Великой Отечественной войны «Тридцатьчетверки» выпускались на шести разных заводах. К лету 1941 года они производились на заводе № 183 в Харькове и на Сталинградском тракторном заводе (СТЗ), который только осваивал их выпуск. Из 1110 Т-34, выпущенных в первом полугодии

Советские средние танки Т-34-76 и тягачи СТЗ-5 на площадке Сталинградского тракторного завода. Лето 1942 года. Работавший на полную мощность тракторный, а по сути, танковый завод был существенным подспорьем для защитников Сталинграда. На снимке хорошо видны характерные приметы машин военного времени: катки без резиновых бандажей, одна фара, упрощенная маска пушки

1941 года, 294 было сделано в городе на Волге. С началом войны к выпуску танков подключили завод № 112 «Красное Сормово» в Горьком (ныне Нижний Новгород). Когда немцы подошли к Харькову, завод № 183 был эвакуирован на Урал, в Нижний Тагил. В 1942 году к выпуску Т-34 подключили Кировский завод наркомтанкопрома в Челябинске, за счет снижения выпуска танков КВ, Уральский завод тяжелого машиностроения в Свердловске (ныне Екатеринбург) и завод № 174 в Омске. На СТЗ танки выпускались вплоть до начала боев на улицах города на Волге в сентябре 1942 года.

Выпуск на разных заводах создавал определенные проблемы. Несмотря на все усилия по унификации, у танков разных заводов оказывались невзаимозаменяемыми башни, что затрудняло их ремонт в полевых условиях. Танки с шестигранной башней, за свою форму прозванной «гайкой», появились на фронте в августе 1942 года. Под Сталинградом на них пошли в бой танковые корпуса, прибывшие из-под Брянска и Воронежа. «Гайка» ставилась на Т-34, выпускавшиеся на Урале.

Другим «слабым звеном» «Тридцатьчетверки» была конструкция гусениц. *«Если приближается Т-34, то раньше услышишь клацанье гусениц, а потом мотор. Дело в том, что зубцы рабочих траков должны точно попадать между роликами на ведущем колесе, которое, вращаясь, их захватывает. А когда гусеница растянулась, разработалась, стала длинней, расстояние между зубцами увеличилось, и зубцы бьют по ролику, вызывая характерный звук»,* — вспоминал А. К. Родькин. Свою лепту в увеличение шумности машины внесли вынужденные технические решения военного времени, в пер-

вую очередь катки без резиновых бандажей по периметру. *«К сожалению, пришли сталинградские «Тридцатьчетверки», у которых опорные катки были без бандажей. Они грохотали страшно»,* — вспоминал А. В. Бондарь. Это были так называемые катки с внутренней амортизацией. Первым катки этого типа, называвшиеся иногда «паровозными», стал выпускать СТЗ, причем еще до того, как начались действительно серьезные перебои с поставками резины. Раннее наступление холодов осенью 1941 года привело к простоям на скованных льдом реках барж с катками, которые отправлялись по Волге из Сталинграда на Ярославский шинный завод. Технология предусматривала изготовление банджа на специальном оборудовании уже на готовом катке. Крупные партии готовых катков из Ярославля застряли в пути, что вынудило инженеров СТЗ искать им замену, которой стал сплошной литой каток с небольшим амортизирующим кольцом внутри него, ближе к ступице. Когда начались перебои с поставками резины, этим опытом воспользовались другие заводы, и с зимы 1941/42-го до осени 1943 года с конвейеров сходили Т-34, ходовая часть которых полностью или большей частью состояла из катков с внутренней амортизацией. С осени 1943-го проблема нехватки резины окончательно ушла в прошлое, и танки Т-34-76 полностью вернулись к каткам с резиновыми бандажами.

Летом 1942 года заметно снизилось качество изготовления танков на оказавшемся прифронтовым Сталинградском тракторном заводе. Так, 6-я танковая бригада получила машины прямо из сборочного цеха. 4–6 августа ей были переданы 44 только что выпущенных Т-34. Однако в ходе марша в назначенный район «Тридцатьчетверки» начали массово выходить из строя. Двигатели выбрасывали масло из суфлера и выхлопных патрубков, удваивая и утраивая без того высокий расход масла. Одной заправки масла хватало всего на 30–35 километров пути. Одновременно наблюдалось среза-

«По машинам!» Танковые экипажи перед посадкой в танки на площадке Сталинградского тракторного завода. Лето 1942 года

ние шпонок масляного насоса. Бригада оказалась небоеспособной. На ходу остались только 11 машин. Позднее, когда бригада была передана в 57-ю армию, попытки использования «ходовых» танков приводили к их выходу из строя. В ходе последовавшего разбирательства была установлена вина завода, и танки были возвращены на СТЗ для ремонта двигателей.

Низкое качество изготовления танков усугублялось спецификой природных условий региона. Исследовавшая «Тридцатьчетверки» 6-й бригады комиссия отмечала повышенный износ поршневых колец из-за низкой эффективности воздушного фильтра. Уже через два-три часа работы бункеры воздухоочистителей полностью заполнялись пылью. В степи под Сталинградом это было неудивительно.

Однако, несмотря на все недостатки конструкции и сложные условия эксплуатации, Т-34 обладали важнейшим достоинством — маневренностью. В отличие от стрелковых частей они могли быстро выходить в ключевые точки сражения. Причем как в наступлении, так и в обороне. Выпущенные массовой серией танки Т-34 стали впечатляющим достижением промышленности Советского Союза, сыграв большую роль в Великой Отечественной войне в целом и в Сталинградской битве в частности.

Тактико-технические характеристики	
Боевая масса	30 тонн
Экипаж	4 человека
Длина	6,7 м
Ширина	3 м
Высота	2,6 м
Вооружение	76,2-мм пушка Ф-34 образца 1942 года, два 7,62-мм пулемета ДТ
Боекомплект	100 снарядов, 3600 патронов
Двигатель	В-2, 12-цилиндровый, 4-тактный, V-образный дизель, жидкостного охлаждения
Мощность двигателя	500 л. с.
Количество передач	4 вперед, 1 назад
Скорость по шоссе	55 км/ч
Запас хода по шоссе	300 км

Начало великой битвы

Привал 24-й танковой дивизии (24. Panzer-Division) на пути к Сталинграду. Перед началом наступления в излучине Дона 6-армию Фридриха Паулюса существенно усилили, 24-я танковая дивизия была передана ей из состава 4-й танковой армии 22 июля 1942 года

Наступление на Сталинград началось 23 июля 1942 года. Сами того не зная и недооценивая противника, немцы нанесли удар там, где его не ждали, — на правом фланге 62-й армии, где ее оборона была слабее. Однако, вопреки ожиданиям, молниеносного разгрома в традициях «блицкрига» не произошло. Туго натянутая тетива обороны не лопнула, и выход немецких танков к переправам через Дон не состоялся. Советское командование успело подтянуть танковые корпуса и бригады, которые обрушили град ударов на прорвавшегося противника. Немцам пришлось остановиться. Начальник немецкого Генерального штаба Франц Гальдер с тревогой отметил в своем дневнике: *«У Паулюса на северном участке тяжелые оборонительные бои»*. Мужество бойцов бывших резервных армий, оборонявших излучину Дона, заставило германское Верховное командование пересмотреть свою стратегию на Восточном фронте. Гальдер записал в дневнике: *«На докладе у фюрера слово было дано генералу Йодлю, который высокопарно объявил, что судьба Кавказа решится под Сталинградом»*. В итоге командование не только усилило 6-ю армию Фридриха Паулюса, но и развернуло на Сталинград 4-ю танковую армию Германа Гота. Значение города, названного именем лидера Советского Союза, росло день ото дня.

Резкое усиление немецкой армии незамедлительно сказалось на обстановке. Через две недели после начала наступления Паулюс смог нанести новый удар и окружить главные силы советской 62-й армии. Несколько дней части Красной Армии, оказавшиеся в окружении, сражались с наседавшим со всех сторон врагом. Командир одной из окруженных дивизий, пробившийся с сотней бойцов за Дон, позднее описал эти бои в письме знаменитому писателю и поэту Константину Симонову (1915–1979): *«Спротивлялись до конца. Я сам пять раз перезарядил маузер. Секли из автоматов. Несколько командиров застрелилось. Было убито до тысячи человек, но жизнь продала дорого»*. Однако силы были не равны. Прошедшие крещение огнем бойцы резервных армий были вынуждены отступить на восточный берег реки. В. И. Чуйков командовал теми, кого он учил предыдущие недели, только первые несколько дней битвы. Вскоре он передал командование

64-й армией генерал-лейтенанту М. С. Шумилову. Самолюбие Чуйкова было уязвлено, ведь Шумилов начинал войну командиром корпуса и лишь недавно стал генерал-лейтенантом и командующим армией. Однако он был на фронте с первого дня Великой Отечественной, и командование доверяло ему больше, чем вчерашнему военному атташе при Полномочном представителе Советского Союза в Китае. Шумилов поставил Чуйкову самостоятельную задачу: возглавить оперативную группу на фланге армии.

Понтонеры понадобились частям Вермахта еще не скоро. Удар на Калач завяз в обороне резервных дивизий, а вскоре в сражение вступили советские 1-я и 4-я танковые армии. Их формирование было задумано еще до начала немецкого наступления — предполагалось нанести удар во фланг наступающим на Кавказ немецким войскам. Вместо этого недоформированные армии пришлось бросать в бой. Несмотря на громкое название «танковая армия», по существу, это были танковые части с минимальной поддержкой пехоты и артиллерии.

Контрудары танковых армий немцы парировали ураганным огнем артиллерии, ударами авиации, а прорвавшиеся танки выбивались «термитными» снарядами. Тем не менее советским танковым частям удалось выйти на коммуникации 14-го моторизованного корпуса. В штаб Паулюса отправлялись радиogramмы вроде «конвой с горячим уничтожен противником».

Однако этот относительный успех оказался оплачен дорогой ценой. Новые 75-миллиметровые

ГЕРМАН ГОТ

(Hermann Hoth; 1885–1971). Командующий 4-й танковой армией, генерал-полковник

Герман Гот являлся немецким танковым командиром, участвовавшим практически во всех значительных сражениях на Советско-германском фронте: Приграничном в Белоруссии, Смоленском, Битве за Москву, операции «Блау» и наступлении на Сталинград в целом, сражении за Харьков весной 1943 года, Курской битве. Именно там, где действовали танки Гота, образовывался наиболее прочный внутренний фронт окружения, прорывы если и имели место, то у его соседей — Гейнца Гудериана или Эриха Гепнера. Ни один другой немецкий военачальник не продержался столь долго на посту командующего танковым объединением, причем не номинально танковым, а действительно состоящим из подвижных соединений. Одним из главных недостатков Гота в глазах потомков стал его слабый литературный талант, неспособность написать яркие и увлекательные мемуары, на страницах которых можно было бы ослепительно высветить свои достижения. Это стало причиной его относительного забвения.

Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн (слева) и генерал-полковник Герман Гот за обеденным столом где-то на юге России. Лето 1942 года

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ ШУМИЛОВ

(1895–1975)

Командующий 64-й армией (с августа 1942-го по май 1943 года), в ходе Сталинградской битвы — генерал-лейтенант

Константин Симонов, встретившись с М. С. Шумиловым в Сталинграде, в своем дневнике назвал генерала «скромнейшим по натуре человеком». Возможно, поэтому об этом военачальнике, ставшем героем Сталинграда, Курска, форсирования Днепра и штурма Будапешта, известно меньше, его имя не на слуху. Шумилов был один из немногих командармов Красной Армии, кто имел командирский опыт Первой Мировой войны. После окончания в 1916 году Чугуевского пехотного училища он попал на Западный фронт прапорщиком, служил в Кременчугском полку. Хотя про прапорщиков военного времени ходила злая поговорка «курица не птица, прапорщик не офицер», они все же получали специальное образование и отправлялись в бой подготовленными лучше рядовых и унтер-офицеров. Самое главное — прапорщиков учили управлять боем. Соответственно и накопление боевого опыта у них шло быстрее. Уже в 1917 году Шумилов определился с политическими предпочтениями и поступил в Красную гвардию. В Красной Армии он служил с 1918 года, участвовал в Гражданской войне на Восточном и Южном фронтах, командовал взводом, ротой, полком, форсировал «Гнилое море» Сиваш в Крыму. В межвоенный период Шумилов стабильно двигался по служебной лестнице в качестве пехотного командира и к 1937 году уже командовал дивизией. Период политических репрессий он пережил, будучи в командировке на Гражданской войне в Испании в качестве военного советника. Там Шумилову суждено было стать последним советским военным советником в Мадриде. Он вылетел из испанской столицы в тот день, когда в нее вошли

победители — сторонники будущего испанского лидера генерала Франсиско Франко. По возвращении из Испании командовал 11-м стрелковым корпусом, участвовал в «Освободительном походе» в Западную Белоруссию и в Советско-финской войне 1939–1940 годов. В 1940-м стал генерал-майором.

Великую Отечественную Шумилов встретил утром 22 июня 1941 года на границе в Прибалтике. Его 11-й стрелковый корпус оказался на направлении главного удара 4-й танковой группы Эриха Гепнера. Однако корпус сохранял боеспособность и с боями отходил на север, в Эстонию. В конце июля корпус пережил окружение у берегов Чудского озера. С расформированием корпусного звена в Красной Армии Шумилов стал заместителем командующего 55-й армией, стоявшей на южных подступах к Ленинграду. В январе 1942 года его направили заместителем командующего 21-й армией, и с этого момента он до самого конца войны оказался связан с Южным сектором Советско-германского фронта. Командующим армией генерал-лейтенант Шумилов стал в августе 42-го, когда его назначили на выдвинутую под Сталинград 64-ю армию, бывшую резервной. Этой армией, в мае 1943 года ставшей 7-й гвардейской, он будет командовать до конца войны, которую закончит в Праге.

Командование 64-й армии. Февраль 1943 года. Слева направо: член Военного совета 64-й армии полковник З. Т. Сердюк, член Военного совета Юго-Западного фронта Н. С. Хрущев, командующий 64-й армией генерал-лейтенант М. С. Шумилов

Солдаты Вермахта на привале на подступах к Сталинграду. Лето 1942 года

противотанковые пушки и стрелявшие кумулятивными снарядами танки и самоходки немцев вносили опустошение в ряды танковых частей Сталинградского фронта. Командир 51-го армейского корпуса 6-й армии генерал артиллерии фон Зейдлиц-Курц-

бах позднее писал, что издали подбитые на подступах к Калачу советские танки выглядели, как огромное стадо слонов. Некоторое преимущество брони над снарядом, имевшее место в 1941 году, было безвозвратно утрачено. В отчете командира 158-й танковой бригады отмечалось новое орудие немцев, которое «с больших дистанций (1200 метров) легко пробивает броню KV, а снаряд ее воспламеняет машину».

Ставшая известной фраза Сталина «Стыдно отступить перед 50 танками немцев-мерзавцев, имея на фронте около 900 тан-

Немецкий солдат у обрыва балки под Сталинградом. В небе — армейский самолет Fi-156 «Шторх». Во время Второй Мировой войны эту крылатую машину можно было встретить везде, где вели боевые действия Вермахт и войска СС. «Шторх» отлично справлялся с задачами санитарного, связного и легкого разведывательного самолета

Четырехствольная 20-миллиметровая зенитная установка Flak 38, смонтированная на полугусеничном тягаче SdKfz. 7/1, прикрывает переправу наступающих частей 6-й армии через одну из речек в излучине Дона. Июль 1942 года. Немецкая зенитная артиллерия организационно входила в состав Люфтваффе, но дивизионы противовоздушной обороны подчинялись командованию пехотных, моторизованных и танковых дивизий Вермахта

Солдаты Вермахта на броне среднего танка PzKpfw III во время марша по пыльной степной дороге. Лето 1942 года. В таких условиях воздушные фильтры танков забивались уже через несколько часов работы. В истории 14-й танковой дивизии отмечалось: «36-й танковый полк должен был платить дань неприятелю, а еще более разрушавшей поршни пыли»

Немецкая тяжелая 150-миллиметровая полевая гаубица ведет огонь. Тяжелая артиллерия прокладывала 6-й армии и ее 51-му корпусу дорогу к Сталинграду

ков», произнесенная Верховным главнокомандующим 23 июля 1942 года, мягко говоря, не в полной мере отражала ситуацию в большой излучине Дона. Уместнее было спросить: «Вы

там еще живы?» Контрударами танков удалось на некоторое время парализовать активность 6-й армии Фридриха Паулюса. Одновременно упорное сопротивление советских войск заставило германское Верховное командование изменить первоначальный план наступления на нефтепромыслы Кавказа и развернуть на Сталинград 4-ю танковую армию Германа Гота.

Немецкая моторизованная колонна переправляется на южный берег Дона по понтонному мосту. 31 июля 1942 года. Поначалу обнаруженная авиаразведкой переправа через Дон крупными силами противника была воспринята командованием Красной Армии как главная угроза. Это привело к недооценке сил и намерений немцев, наступающих непосредственно на Сталинград

Танки — защитники города на Волге. Степи под Сталинградом стали местом ожесточенных танковых боев

Подбитая «Тридцатьчетверка» в балке. Местность под Сталинградом была открытой, но изрезанной оврагами-балками

Одна из машин с верхнего снимка. Видна пробоина в борту башни ниже пробки пистолетного порта

Та же машина крупным планом

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙСКА ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Разумеется, никаких тяжелых штурмовых танков KV-2, внешним видом которых явно вдохновлялся художник, нарисовавший этот плакат, у Красной Армии на правом берегу Дона под городом Серафимович не было. Однако для вооруженных 47-миллиметровыми противотанковыми пушками (*Cannone da 47/32 M35*) итальянцев даже средний Т-34 был равен тяжелому танку. Столь же ограниченную ценность имели 20-миллиметровые зенитные автоматы фирмы «Бреда» (*Cannone-Mitragliera da 20/65 M35 (Breda)*) и 75-миллиметровые полевые пушки, стрелявшие кумулятивными снарядами.

Катастрофой для итальянцев советская танковая атака под Серафимовичем 30–31 июля 1942 года не стала исключительно благодаря поддержке противотанкистов Вермахта, вооруженных новейшими 75-миллиметровыми пушками PaK-97/38. Также у итальянцев имелось всего три немецких 76-миллиметровых противотанковых орудия из числа захваченных у советских войск и прошедших заводскую переделку дивизионных пушек образца 1936 года (*Ф-22*). Итальянцы высоко оценили эти орудия, но отмечали, что они «очень требовательны к обученности расчетов». Поддержка немецкими пушками позволила 3-й подвижной дивизии «Амедео герцог д'Аоста» (*3. Celere Division Amedeo Duca d'Aosta*) удержать свои позиции, но не более того.

Из-за медлительности итальянцев не были своевременно ликвидированы советские плацдармы на Дону, с которых в ноябре началось контрнаступление Красной Армии — операция «Уран». Казавшийся тогда малозначительным плацдарм стал предвестником зимней катастрофы войск Фридриха Паулюса. Запланированное наступление против него раз за разом задерживалось, пока немцы не потеряли терпение и не перебросили назначенную для взаимодействия с союзником 305-ю пехотную дивизию в Сталинград. Без поддержки Вермахта ударные возможности итальянских войск приближались к нулю.

В итоге «Итальянская армия в России» (*Armata Italiana In Russia*) выполняла роль буфера на фронте на Дону между ненавидевшими друг друга венграми и румынами. В Сталинградской битве погибло около 21 тысячи итальянцев, 64 тысячи попали в плен, вернуться на Апеннинский полуостров смогли 45 тысяч солдат.

Эта 47-миллиметровая противотанковая пушка была разработана в Австрии и с 1935 года по лицензии производилась в Италии. Именно из нее на приведенном выше плакате итальянцы успешно уничтожают советские тяжелые танки. Однако в реальности по итогам боевого применения под Сталинградом этому орудию был вынесен «смертный приговор»: «Требование — изъять их из полевых частей!»

Итальянский пропагандистский плакат. Отважные противотанкисты с Апеннинского полуострова отражают атаку «стальных гигантов» — советских тяжелых танков под Серафимовичем 30–31 июля 1942 года

Командующий итальянской армией в России генерал Итало Гарибольди (*Italo Gariboldi*; 1879–1970)

Танковые армии на Сталинградском фронте

13-й танковый корпус, единственный танковый корпус, имевшийся в составе 62-й армии, был не самым надежным средством для удержания достаточно широкого фронта под Сталинградом. Помимо его ограниченных, по сравнению с аналогичными соединениями Вермахта, боевых возможностей имелись вполне очевидные ограничения с точки зрения масштабов использования корпуса. Взваливать на командующих армиями задачу управления несколькими корпусами было немилосердно. Они и с одним подвижным соединением не всегда справлялись. Крупное же оборонительное сражение требовало ввода в бой против немецкого прорыва двух-трех танковых корпусов в одном районе, управлять которыми нужно было на уровне фронта с промежуточной армейской инстанцией (необходимость поддерживать тылы корпусов, связь и так далее). Поэтому в недрах советской военной машины зрело более перспективное решение — формирование танковых армий.

Кто подал идею создания танковых армий на Сталинградском фронте, пока неясно. Самым ранним документом, обнаруженным автором, в котором озвучивается эта идея, является шифровка начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии Я. Н. Федоренко Сталину от 17 июля 1942 года: « [В] Районе Сталинграда крайне необходимо создать одну танковую армию [в] составе: трех танковых корпусов, одной отдельной танковой бригады, двух стрелковых дивизий, двух полков ПТО (противотанковой обороны. — А. И.), двух полков ПВО».

Это предложение было достаточно разумным. Трехкорпусной состав танковой армии с отдельной танковой бригадой стал фактически стандартом Красной Армии на заключительном этапе войны в 1945 году. Также с самого начала Федоренко заложил в состав танковой армии отдельную танковую бригаду для решения частных задач без распыления сил танковых корпусов. Отдельная танковая бригада в прямом подчинении командующего армией станет неотъемлемой частью танковой армии в 1944–1945 годах.

Вопрос о том, быть или не быть танковым армиям в составе Сталинградского фронта, решили несколькими днями спустя. В ходе переговоров по прямому проводу между Сталиным и командованием фронта вечером 23 июля Верховным был утвержден представленный план формирования и сосредоточения 1-й и 4-й танковых армий. Они формировались по оперативной директиве № 0096/оп от 0.23 24 июля штаба Сталинградского фронта. Каждая армия должна была состоять из двух танковых корпусов, трех стрелковых дивизий, двух артиллерийских полков противотанковой обороны с 76-миллиметровыми орудиями, двух полков ПВО и одного гвардейского минометного полка. 1-я

Начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии Я. Н. Федоренко (1896–1947). Прибыв на только что созданный Сталинградский фронт, он развил кипучую деятельность по подготовке танковых войск к предстоящему сражению

танковая армия должна была быть сформирована к 26 июля, а 4-я танковая армия — к 1 августа. Управления армий создавались из управлений 38-й и 28-й армий. Соответственно, танковые армии унаследовали командармов от общевойсковых армий. Командующим 1-й танковой армией стал генерал-майор артиллерии К. С. Москаленко, а его заместителем — генерал-майор танковых войск Е. Г. Пушкин. Командующим 4-й танковой армией стал В. Д. Крюченкин, а его заместителем — генерал-майор танковых войск Н. А. Новиков. Остатки соединений двух армий, пробившиеся из окружения у Миллерово, передавались 21-й армии.

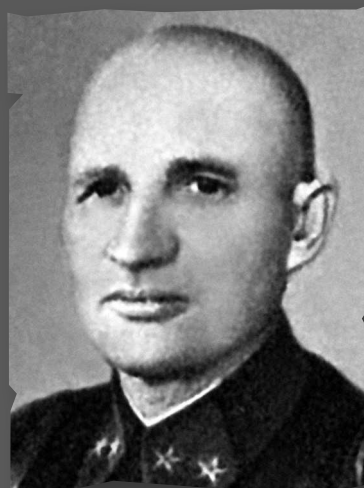
В подчинение 1-й танковой армии передавались 13-й и 28-й танковые корпуса, а в подчинение 4-й танковой армии — 22-й и 23-й танковые корпуса. Из шести стрелковых дивизий, запланированных для включения в состав новых армий, только 131-я стрелковая дивизия из резерва фронта уже с 20.00 24 июля передавалась 1-й танковой армии. Остальные пять дивизий должны были прибыть из резерва Ставки. 26–27 июля в район Сталинграда прибывали с Дальнего Востока 126, 204, 205, 321, 399-я и 422-я стрелковые дивизии. Именно их предполагалось использовать для новых формирований. 1-я танковая армия сосредотачивалась в районе переправы через Дон у Калача, а 4-я танковая армия — на ближних подступах к Сталинграду у Воропоново. Так советское командование создавало резервы, которыми можно было наносить удары из глубины или, в худшем случае, прикрывать жизненно важные пункты от немедленного захвата прорвавшимся противником.

В худшую сторону от немецких танковых корпусов советские танковые армии раннего типа отличались меньшим числом артиллерии и ее меньшей мощностью. Также в Красной Армии отсутствовали как класс соединения, подобные немецкой моторизованной дивизии. Чаще всего в немецком танковом корпусе было три механизированных соединения, две танковые дивизии и одна моторизованная или же две моторизованные и одна танковая.

Однако времени на строительство танковых армий или даже на доведение до близкой к штатам численности 13-го танкового корпуса у командования Сталинградского фронта уже не было. В отличие от Битвы на Курской дуге в 1943 году, где в качестве подпорок обороны у Центрального и Воронежского фронтов имелось по танковой армии, Сталинградский фронт начал боевые действия только с пакетом бригад, объединенных управлением 13-го танкового корпуса, и несколькими танковыми батальонами, рассеянными по стрелковым дивизиям. Через 11 дней после образования нового фронта на 62-ю армию обрушились первые удары идущих к Сталинграду немецких войск.

Командующий 1-й танковой армией генерал-майор артиллерии К. С. Москаленко (1902–1985)

Командующий 4-й танковой армией генерал-майор В. Д. Крюченкин (1894–1976)

Новые противотанковые орудия

75-МИЛЛИМЕТРОВЫЕ ПУШКИ PaK-40 И PaK-97/38

75-миллиметровая противотанковая пушка PaK-40 на позиции. Перевооружение дивизий 6-й армии орудиями PaK-40 и PaK-97/38 существенно повысило их противотанковые возможности

Расчет немецкого 75-миллиметрового противотанкового орудия PaK 97/38 на позиции где-то на Восточном фронте. 1942 год

Важным событием накануне начала сражения за Сталинград для 6-й армии Фридриха Паулюса стало получение 75-миллиметровых противотанковых пушек двух типов — PaK-40 и PaK-97/38 (до этого пехотные дивизии противотанковых орудий такого калибра не имели). Орудия прибыли несколькими эшелонами в период с 23 мая по 24 июня 1942 года, всего было получено 111 PaK-40 и 63 PaK-97/38. Вскоре новые пушки были опробованы в деле. 75-я пехотная дивизия 6-й армии отчиталась об уничтожении в боях с 13 по 19 июля 59 советских танков (четырёх тяжёлых KV, четырёх лёгких и 51 T-34), из которых 30 машин были уничтожены силами противотанкового дивизиона с 75-миллиметровыми пушками и ещё 8 машин — 177-м батальоном штурмовых орудий. Отзывы об орудиях по итогам этих боев были если не восторженными, то в целом позитивными, несмотря на неизбежные для новой техники «детские болезни»: *«Эффективность 7,5-сантиметровых PaK-40 великолепная, однако во многих случаях возникали проблемы с заряданием и другие неисправности орудий, о которых еще будет подробно доложено. Эффективность PaK-97/38 с кумулятивным снарядом также была хорошей, не считая случая с восемью попаданиями в KV-1, ни одно из которых не пробilo броню, как и попадания в тот же танк из штурмовых орудий теми же боеприпасами».*

Оснащение всех пехотных дивизий 6-й армии 75-миллиметровыми PaK-40 и PaK-97/38 означало качественный скачок в ее противотанковых возможностях. Теперь войска Паулюса уже практически не зависели от на-

личия 88-миллиметровых зениток и выучки солдат. Борьба с танками Красной Армии становилась в большей степени ремеслом, чем искусством. Советские танковые атаки без подавления артиллерией противотанковой обороны Вермахта практически обрекались на неудачу. Однако поначалу серьезной проблемой новых немецких противотанковых пушек стала нехватка боеприпасов. В войска даже была разослана директива, в которой указывалось, что снаряды *«позволено выпускать только по тяжелейшим танкам, поскольку доставка в течение ближайших месяцев будет происходить лишь в минимальных объемах»*. Если в 1941 году Красной Армии иногда еще получалось утюжить оборону немцев силами оторвавшихся от пехоты Т-34 и KV, то в 1942-м у противника появились более чем эффективные средства противодействия. В докладе, написанном по итогам сентябрьских боев под Сталинградом, командир 7-го танкового корпуса П. А. Ротмистров указывал: *«Положение на поле боя изменилось»*. В качестве причины он указывал на то, что у немцев появилось *«новое противотанковое орудие, производимое заводом Reinmetale»* — 75-миллиметровое PaK-40.

Всего орудий PaK-97/38 выпустили 2854 штуки в 1942-м и 858 штук в 1943 году. По объемам производства француско-германский гибрид обогнал «чистокровного арийца» PaK-40. Немецкая пушка была выпущена в 1942-м в количестве 2114 штук.

Тактико-технические характеристики PaK-40

Масса в боевом положении	1425 кг
Масса в походном положении	1500 кг
Калибр	75 мм
Длина ствола	46 калибров
Начальная скорость снаряда	792 м/с
Угол возвышения	от -3°30' до 22°
Угол горизонтального обстрела	58°30
Скорострельность	12–14 выстр/мин
Дальность стрельбы	до 8100 м
Дальность эффективной стрельбы	до 1500 м
Бронепробиваемость (по нормали на дальности 100 м)	98 мм
Бронепробиваемость (по нормали на дальности 1000 м)	82 мм

Тактико-технические характеристики PaK-97/38

Масса в боевом положении	1190 кг
Масса в походном положении	1270 кг
Калибр	75 мм
Длина ствола	36,3 калибра
Длина нарезной части	2489 мм
Скорострельность	10–12 выстр/мин
Наибольшая дальность стрельбы	10 000 м
Прицельная дальность стрельбы	2000 м
Углы обстрела по горизонтали	60 град
Углы обстрела по вертикали	-8 +18 град
Начальная скорость снаряда HL.Gr38/97	540 м/с
Начальная скорость снаряда Sprenggranate 233/1 ф	575 м/с
Бронепробиваемость HL. Gr38/97	75 мм

Бои в излучине Дона

Расчет пулемета МГ-34 меняет огневую позицию в поле с подсолнухами. У солдата на переднем плане надета перчатка для смены ствола

Поворот танковой армии Германа Гота на Сталинград стал еще одним неприятным сюрпризом, преподнесенным немецким командованием Красной Армии. На тот момент она насчитывала около 110 тысяч человек, 1600 орудий и минометов и 100 танков. После 150-километрового марша по степи «панцеры» Гота вошли в тыл советским войскам. Однако у маленькой железнодорожной станции Абганерово к юго-востоку от города на Волге немцы встретили упорное сопротивление курсантских полков, «катюш» и танковых частей. Воевавшие здесь подразделения были объединены в новый, Юго-Восточный фронт под командованием генерал-полковника А. И. Еременко. В переговорах с начальником Генерального штаба генерал-полковником А. М. Василевским вечером 9 августа новый командующий делился впечатлениями о происходящем: *«Летчики, которых я посылал для наблюдения за боем, доложили, что район, где находится Абганерово и прилегающие к ней местности, горит, все объято пожаром. Делаю вывод, что РС (реактивные снаряды. — А. И.) наделали там дел».* Многообещающее начало немецкого наступления не завершилось прорывом в Сталинград. Танки Гота топтались на месте. Успех под Абганерово способствовал возвышению Еременко, которому поручили координировать действия обоих фронтов на защите Сталинграда.

Однако прорыв Гота на Абганерово лишил советское командование в излучине Дона «палочки-выручалочки» в лице получивших со Сталинградского тракторного завода новенькие «Тридцатьчетверки» танковых бригад. Они были брошены к разъезду «74-й км». Туда же отправилась свежая 133-я танковая бригада с 40 тяжелыми танками КВ. На 3 августа в 22-м танковом корпусе 4-й танковой армии осталось в строю всего 43 танка, а в двух корпусах 1-й танковой армии — 123 танка. Сражение все больше приобретало «пехотный» характер: в 4-ю танковую армию прибыли две дальневосточные стрелковые дивизии, а немецкая группировка в излучине Дона усилилась за счет подхода пехотных дивизий 8-го армейского корпуса. При этом на стороне немцев было превосходство в артиллерии.

Выбора, наступать или не наступать, у советского командования не было. На переговорах штаба фронта с Генштабом 2 августа командующий фронтом В. Н. Гордов вполне однозначно сформулировал свою стратегию: *«У нас происходит приток резер-*

вов одновременно с противником. Сидеть же и ожидать, пока сосредоточатся силы, я не могу, так как противник может упрочиться и свернуть правый фланг 62-й армии. Вот почему активные действия здесь не прекращаются, хотя знаю, что это ведет к взаимному перемалыванию». Далее Гордов высказывал надежду, что за счет прибытия резервов баланс сил изменится в пользу Красной Армии, что позволит взять инициативу в свои руки. Этим надеждам не суждено было сбыться.

В итоге командование Сталинградского фронта было вынуждено прибывающие резервы, в первую очередь так называемые дальневосточные дивизии, растрачивать на затыкание брешей, вместо того чтобы использовать их для решительного контрудара. Например, на начало августа был запланирован контрудар 21-й армии. Предполагалось, что «на участке 21-й армии будет создан небольшой кулак из трех свежих хорошо подготовленных стрелковых дивизий и двух новых танковых бригад».

Общая численность 21-й армии возросла примерно до 85 тысяч человек. Для сравнения: на 20 июля она насчитывала 29 тысяч человек. Однако в августе 1942 года контрудар из того же района, из которого в ноябре началась блистательная операция «Уран», был сорван немецким наступлением, приведшим к окружению главных сил 62-й армии в большой излучине Дона. Три свежие дивизии были растащены на восстановление фронта. Также свежие танковые бригады и дальневосточные дивизии пришлось направлять под Абганерово для противодействия прорыва танков армии Германа Гота.

Сражение за Абганерово. Август 1942 года

	Положение на 7 августа		Перемещения, удары 7-10 августа
	Положение на 10 августа		Перемещения, удары 17-19 августа
	Положение на 17 августа		Перемещения, удары 20-23 августа
	Положение на 20 августа		Перемещения, удары 26-29 августа
	Положение на 29 августа		

